Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору*

Л. А. Тутов¹, А. Е. Шаститко^{1,2}

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)

Современная экономическая наука испытывает сложности в решении теоретических и практических проблем, в том числе не всегда может предсказать будущие экономические кризисы, а после их наступления — эффективные пути их преодоления. Во многом это обусловлено тем, что представители различных теорий по-разному оценивают происходящие процессы в экономике и предлагают различающиеся по существу и часто взаимоисключающие способы решения экономических проблем. На повестке дня поиск общего языка и путей объединения усилий экономистов в достижении общественного прогресса. Цель статьи — ответить на вопрос о возможности взаимодействия между научными программами в экономике благодаря обогащению друг друга идеями и показать, какую роль в этом процессе играет метаязык. Обосновано положение о том, что метаязык помогает представителям различных исследовательских программ формировать реалистический взгляд на концепции друг друга, а не критиковать карикатуры научных теорий оппонентов.

Ключевые слова: метаязык, научно-исследовательские программы, внутридисциплинарный дискурс, междисциплинарный дискурс.

JEL: B41, B52, B53.

Тутов Леонид Арнольдович (l.tutov@yandex.ru), д. ф. н., проф., завкафедрой философии и методологии экономики экономического факультета МГУ; *Шаститко Андрей Евгеньевич* (saedd@mail.ru), д. э. н., проф., завкафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС.

* Исследование поддержано внутрифакультетским грантом экономического факультета МГУ 2020 г. «Внутридисциплинарный дискурс в экономической науке: основания, ограничения, перспективы и приложения».

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-96-115>
© НП «Вопросы экономики», 2021

В периоды больших изменений, когда привычные картины мира разрушаются, особенно ощутимой оказывается ограниченность — в том числе научного экономического — знания. Однако именно в эти периоды, на наш взгляд, появляется больше предпосылок для поиска ответов на вызовы не только и даже не столько в форме эволюционного развития научно-исследовательских программ, сколько посредством интенсификации внутридисциплинарного дискурса. В этой статье мы предлагаем ответ на вопрос об основаниях, ограничениях и путях развития внутридисциплинарного дискурса. Такие перспективы есть, и не только за счет автономного развития сосуществующих и конкурирующих друг с другом научно-исследовательских программ, но и с помощью генерирования позитивных перекрестных эффектов. В первую очередь они связаны с использованием результатов исследований, которые получены в рамках одной программы, для развития другой, даже несмотря на жесткую конкуренцию ее представителей и сложившиеся дихотомии между теоретической и эмпирической экономикой, теоретической и прикладной экономикой, и на разделение «между экономикой как позитивной наукой и нормативным искусством», на которое обратил внимание Дж. Н. Кейнс более 120 лет назад (Keynes, 1999; Автономов, 2013. С. 8). Мы осознаем, что существуют значительные препятствия для возникновения этих позитивных эффектов, но в то же время считаем, что вопрос об их преодолении — пусть и частичном — может и должен быть поставлен.

В частности, мы рассмотрим условия формирования метаязыка внутридисциплинарного дискурса. В качестве рабочего варианта мы будем использовать следующее определение метаязыка: язык, который включает основные понятия (деньги, конкуренция, экономическое равновесие, транзакционные издержки, капитал, благосостояние), используемые в различных экономических теориях и позволяющие теориям взаимодействовать благодаря механизмам обратной связи. Мы не претендуем на определение путей всеобъемлющего решения проблемы метаязыка для внутридисциплинарного дискурса. Было бы слишком самонадеянно ожидать, что все исследователи вдруг проникнутся осознанием важности того, чем занимаются их коллеги, чьи исследования прежде казались незначимыми либо вовсе непонятными. Однако корректировка фокуса внимания, на наш взгляд, может стать прологом для поиска нового варианта динамической совместимости развивающейся системы экономического знания и общественных отношений, переживающих период драматических изменений.

Постановка проблемы

Современные проблемы, с которыми сталкивается экономическая наука, во многом обусловлены разрывом между теорией и практикой. Теоретические модели основаны на нереалистичных предположениях, и «в период кризиса нереалистичность таких гипотез проявляется особенно ярко» (Автономов, 2013. С. 5). При этом сами теории проверяются благодаря присоединенной к ним эмпирической интерпретации.

Поэтому ни согласие теории с данными опыта, ни противоречие с ними не способны ни подтвердить, ни опровергнуть теорию саму по себе. Представители различных экономических теорий по-разному видят и оценивают происходящее не только в хозяйственной жизни, но и в политике, предлагают значительно различающиеся, а порой и взаимоисключающие способы решения экономических проблем. В некоторых теориях можно найти детально проработанные вопросы организации взаимодействия индивидов, групп лиц, в других решаются сложные задачи прогнозирования, а третьи позволяют оценить результаты взаимодействия на предмет эффективности и распределительных эффектов или представить механизм функционирования экономической системы в целом (макроэкономика и теория общего равновесия). Некоторые теории хорошо себя показывают на длинном временном горизонте, а другие обладают преимуществами в сравнительно краткосрочной перспективе. Каждый из этих аспектов имеет значение.

В экономической науке — в отличие от естественных наук — в принципе невозможен решающий эксперимент, с помощью которого можно выбрать одну теорию и отбросить другую, а выбор исходных абстракций имеет условный характер и фактически определяется особенностями того или иного исследовательского подхода (Автономов, 2013). Такое понимание природы экономической науки сближает ее с другими общественными науками и показывает на примере выделения «двух канонов», что «спор о методе», начавшийся в последней трети XIX в., не только остается актуальным, но и приобретает новые черты.

Вместе с тем в теориях, представленных в разных исследовательских подходах и составляющих современную экономическую науку, поставленные задачи решаются с неодинаковым успехом. Причем порой успех понимают по-разному, хотя наиболее распространенная версия признания успеха — мнение большинства исследователей о том, какой из имеющихся вариантов ответа на обсуждаемый вопрос правилен (Автономов, Автономов, 2016). Указанные различия обусловлены в том числе сравнительными преимуществами исследовательских подходов, но само по себе их наличие и сосуществование еще не означает систематического взаимообогащения путем обмена идеями. Если использовать аналогии с теорией сравнительных преимуществ Д. Рикардо как основания для международной торговли и сравнительные преимущества как основания для возникновения связей — согласно австрийскому подходу в экономических исследованиях (Кэллахан, 2006), то существование возможности взаимовыгодного обмена без самого обмена наталкивает на идеи о наличии препятствий ко взаимообогащению научно-исследовательских программ; о недостаточных — по сравнению с потенциальными — масштабах внутридисциплинарного, но межпрограммного дискурса; о перспективных путях и ограничениях в поиске приемов, подходов к устранению таких препятствий и более широкому развитию «рынка научных идей».

Экономистам необходимо найти общий язык и объединить свои усилия в достижении научного и общественного прогресса. Как написала Д. Макклоски, «за последние пятьдесят лет экономисты превратились в настоящих аутистов от модернизма. Пора им проснуться

и серьезно отнестись к собственной научной риторике» (Макклоски, 2015. С. 3–4). Эта идея витает в умах исследователей, обсуждающих вопросы развития экономического знания в более широкой перспективе, нежели развитие отдельных моделей или даже семейства моделей, какими бы респектабельными они ни были. Вместе с тем проблема, поставленная Макклоски и другими авторами, далеко не всем очевидна, а перспективы ее преодоления весьма спорны.

По нашему мнению, подход к ее решению с позиции глобального синтеза экономического научного знания нельзя реализовать. Данному тезису мы находим постоянные практические подтверждения. Особенности человеческого мышления также указывают на то, что избежать избирательности в рефлексии по поводу того или иного объекта не представляется возможным, когда само наименование объекта уже содержит эту избирательность.

Между тем воспроизводящийся разрыв между практикой и теорией заставляет совершать «подход к снаряду» в поисках доступных вариантов повышения результативности внутридисциплинарного дискурса. Данная статья посвящена проработке одного из вариантов решения поставленной проблемы — обсуждению проблематики метаязыка внутридисциплинарного дискурса для смежных исследовательских программ. Такая постановка, на наш взгляд, менее амбициозна, чем синтез различных теорий, но более реалистична. Мы не настаиваем на том, что существует способ выработки и беспрепятственного распространения совершенного (идеального) метаязыка внутридисциплинарного дискурса. Мы планируем обсуждать вопрос о становлении метаязыка не сам по себе, а в свете вариантов взаимодействия научно-исследовательских программ в рамках одной дисциплинарной области. Такой подход позволит оптимистам стать реалистами, а пессимистам — немного оптимистами.

У каждого направления в экономической науке есть свой язык, диалекты, понимание нюансов которых обусловлено продуктивным обменом идеями. (Аналогия с диалектами не случайна. В Китае, например, чтобы жители разных провинций хорошо понимали друг друга, в качестве универсального средства коммуникации используют язык, на котором говорят жители Пекина.) Имеются ли достаточные основания считать язык неоклассической теории, в течение длительного времени считавшейся основным направлением в экономической науке, формой метаязыка? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, хотя в первом приближении основания есть. Во-первых, полностью обойти неоклассические постулаты, по крайней мере в микроэкономической части экономического анализа, при обсуждении фундаментальных экономических проблем в настоящее время и в обозримой перспективе вряд ли возможно. Во-вторых, именно неоклассическая теория в ее микроэкономической части уже долгое время составляет и, как ожидается на обозримую перспективу, будет составлять основу учебников по микроэкономике, освоение которых влияет на формирование профессионального профиля исследователя-экономиста, даже если это экономист гетеродоксального толка. А при попытке методом естественного эксперимента проверить данную гипотезу, подав статью в журнал с хорошей академической

репутацией, высока вероятность получить если не «desk rejection» (категорический отказ), то отрицательные отзывы по причине незнания дискурса по той или иной теоретической или прикладной проблеме. Однако мы предлагаем не торопиться с выводами.

Научно-исследовательские программы в экономике

Для достижения поставленной цели необходимо принимать во внимание особенности экономической науки, которая отличается от естественно-научных дисциплин не столько применяемым общенаучным инструментарием (в частности, экономико-математическим моделированием, которое широко, но и очень неравномерно распространено среди экономистов, хотя в целом значительно проще, чем в сфере естественно-научных исследований), сколько параллельным развитием нескольких научно-исследовательских программ¹. Согласимся с С. Лацисом, что методология научно-исследовательских программ не решает все проблемы методологии и истории экономической теории, просто она представляется более пригодной для описания и оценки, чем альтернативные. Основное преимущество научно-исследовательской программы, в отличие, например, от эволюционного подхода к объяснению отбора теорий по С. Тулмину² и анализа пролиферации идей по П. Фейерабенду³, заключается в том, что она позволяет использовать возможности трех альтернативных подходов в анализе экономического знания — априоризма, фальсификационизма и конвенционализма и лишена их недостатков (Latsis, 2008. P. 2). Как известно, ключевым конкурирующим подходом к объяснению эволюции научного знания является вариант определения дисциплинарной области через парадигмы, по Т. Куну (Кун, 2003), с помощью которой объясняли

¹ Под научно-исследовательской программой мы понимаем модель развития научного знания, в которой оно описывается как совокупность конкурирующих и взаимодействующих теорий, объединенных фундаментальными идеями, концепциями и методологическими принципами. Исследовательская программа включает четыре элемента: жесткое ядро, защитный пояс, позитивные и негативные эвристики.

² Согласно Тулмину (Тулмин, 1984), эволюция науки заключается в улучшении понимания окружающего нас мира и во все более глубоком понимании сути исследуемых проблем. Такой подход имеет ряд ограничений. В экономической науке возрастают сложности во взаимопонимании между учеными, и в данной ситуации трудно оценить общий рост понимания. Отсутствие диалога между научными школами, даже если их представители работают над одной проблемой, приводит к тому, что они оказываются не в состоянии адекватно оценить достижения оппонентов. Эта ситуация усугубляется тем, что разные школы могут заниматься различными проблемами, и здесь ученым еще сложнее понять идеи представителей другой школы. Все это значительно осложняет оценку прогресса экономической науки в целом, так как даже если в рамках одной школы понимание проблемы углубляется, это не транслируется на все научное сообщество.

³ Модель «эпистемологического анархизма» Фейерабенда (Фейерабэнд, 2007) имеет как сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, он говорит об использовании разных терминов и об их разной смысловой нагрузке у различных научных школ, что актуально для экономической науки, где представители различных теорий могут вкладывать разный смысл в одни и те же термины. С другой стороны, предложенное ученым решение проблемы взаимодействия едва ли можно назвать эффективным. В случае масштабного бессистемного проведения исследований нельзя получить качественные результаты. Кроме этого, эти результаты не могут быть проверены, в итоге все это ведет к формированию огромного массива несистематизированных и не прошедших проверку знаний. При таком подходе трудно говорить о развитии экономической науки в целом.

структуру научных революций. А наличие главного, доминирующего направления в экономической науке дает повод для парадигмальной версии объяснения роста научного экономического знания. Далее мы вернемся к ответу на вопрос, почему буквальное следование парадигмальному подходу может стать не средством решения, а, наоборот, источником трудностей в достижении поставленной цели — выявить основания и возможности внутридисциплинарного дискурса как фактора роста научного знания.

Каждая из программ, включающих, по Лакатосу, жесткое ядро⁴ и защитный пояс⁵, основывается на определенном понятийном аппарате, который в разной степени пересекается с другими программами в рамках одной дисциплинарной области (Lakatos, 1970; Backhouse, 2012). Однако часто одни и те же понятия наполнены разным смыслом, а способы их связывания в единую систему различаются, как и приемлемый стандарт результата проводимых исследований.

Например, понятие «капитала» у К. Маркса: «Стоимость становится... самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал» (Маркс, 2001. С. 144). Особенность подхода Маркса еще и в том, что в зависимости от продвижения от абстрактного к конкретному духовному (как часть метода исследования) капитал обретает другие варианты определения, в частности капитал как общественное отношение.

Дж. М. Кейнс определяет капитал как имущество длительного пользования, способное приносить доход, который определяется ценой его предпочтения и, соответственно, предельную эффективность капитала как величину, равную учетной ставке, которая «уравняла бы нынешнюю стоимость ради годовых доходов, ожидаемых от использования капитального имущества в течение срока его службы, с ценой его предпочтения» (Кейнс, 1978. С. 199).

Ф. фон Хайек — современник и оппонент Кейнса, продолжая разработки своих предшественников и учителей (К. Менгер, Ф. фон Визер, О. Бём-Баверк, Л. фон Мизес), рассматривал капитал в терминах благ более высоких порядков, с помощью которых реализуются окольные методы производства, чье развитие, с одной стороны, связано с уровнем ставки процента, а с другой — с уровнем развития специализации, общественного разделения труда и рынков (Hayek, 1939). В этом случае ключевой момент — сложность структуры и разнородность активов, с помощью которых можно охарактеризовать межвременную структуру капитала.

Сами стандарты исследования в данном случае лишь в малой степени сопоставимы. То, что для одного направления считается приемлемым результатом (в смысле получения нового знания), в рамках другого может оказаться если и не irrelevantным набором тезисов, то непроверенной (а в ряде случаев — непроверяемой) гипотезой — по крайней мере, на определенном этапе развития техники экономичес-

⁴ Ядро программы исследования представляет собой систему базовых принципов, методов и допущений, определяющих процесс научного познания во всех научных теориях, входящих в данную программу. Изменять ядро запрещается, в противном случае это уже будет другая научно-исследовательская программа. Например, если мы принимаем допущение, что население подвержено денежной иллюзии, то осуществляем переход от программы неоклассиков к программе кейнсианцев.

⁵ Защитный пояс состоит из большого числа вспомогательных положений, гипотез и приемов, обеспечивающих сохранность ядра, его устойчивость перед открытием всевозможных аномалий. Защитный пояс может и должен постоянно меняться, адаптируясь к изменяющимся условиям среды, чтобы обеспечить ядру программы стабильное существование.

ких исследований, и наоборот. Например, представители австрийской экономической теории, в частности Хайек, обращали внимание на то, что увеличение количества денег в экономике (рассматривалось как вполне приемлемая мера макроэкономической политики в кейнсианском духе — для экономики неполной занятости, но и для монетаристов в определенной мере тоже) приводит к структурным сдвигам, которые трудно прогнозировать именно потому, что предугадать изменение системы относительных цен в результате такого увеличения не представляется возможным. Предположение о пропорциональном повышении цен на все товары (да еще синхронно) нереалистично. Вместе с тем именно такие положения были в числе ключевых, с помощью которых Хайек объяснял, почему именно государство выступает генератором делового цикла (Хайек, 1991; Keeler, 2001). Однако в рамках вычислимых моделей общего равновесия данную идею уже можно операционализировать, она может если и не служить ориентиром для принятия регулирующих решений, то по крайней мере стать одним из ограничений при построении экономической политики.

Приведенный выше пример также показывает, что в изучении взаимодействия исследовательских программ в рамках экономической науки необходимо учитывать временные лаги в восприятии исследовательской традицией положений, которые были сформулированы несколько десятилетий назад в рамках конкурирующего подхода. Здесь уместен пример из теории организации рынков, когда исследование влияния результатов их функционирования на структуру предложил экономист австрийского толка В. Мунд (Mund, 1933) — раньше, чем сформировалась парадигма «структура — функционирование — результат», и на несколько десятилетий раньше, чем акцент в теории организации рынков сместился на исследование поставленного вопроса.

Один из наиболее важных, но вместе с тем недооцененных примеров — параллели между подходами Маркса к исследованию производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и Дугласа Норта — к исследованию институтов и технологий (North, 2005; Шаститко, 2018) — с другой. Современную теорию институтов трудно представить без разработок Норта, но, по его признанию, в их основе лежат идеи взаимосвязи производственных отношений как коррелятов институтов и производительных сил как коррелятов технологий (Норт, 1997; Шаститко, 2018).

Широкий взгляд на панораму развития экономической науки дает больше оснований для следующего тезиса: речь идет не просто о сосуществовании, но и о взаимодействии исследовательских программ, когда идеи, разрабатываемые в рамках одной программы, находят отклик в другой — не только в качестве критики, но и в качестве источника развития соответствующей программы. Причем это происходит довольно часто, возможно, даже чаще, чем можно подумать. Таким образом подтверждается мысль о том, что действительно новое с высокой вероятностью возникает на стыках разных теорий и дисциплин. Вот почему одна из исследовательских задач — в первую очередь для специалистов в области истории экономической мысли — фиксировать факты ассимиляции в позитивном развитии одной исследовательской программы

критики со стороны других исследовательских программ и предлагать варианты объяснения оснований и механизмов ассимиляции.

Варианты взаимодействия научно-исследовательских программ

Если рассмотреть две условные исследовательские программы — А и Б — в рамках одной дисциплинарной области, то теоретически возможны несколько вариантов связей между ними, три основные мы перечислим и охарактеризуем. Напомним, что в качестве доступной структурной альтернативы взаимодействия мы не рассматриваем вариант синтеза, то есть интеграции ядер и защитных поясов научно-исследовательских программ.

Игнорирование друг друга. Это означает, что у каждой программы свои правила исследования, категориальный аппарат, свои классики и собственные подходы к оценке результатов и прогресса в исследованиях. Если указанные программы рассматриваются в контексте развития одной дисциплинарной области, то этот вариант выглядит скорее искусственным, хотя вполне можно допустить, что исследователь, работающий в рамках одной исследовательской программы, может высказаться относительно исследователей из другой программы весьма лаконично: «То, что они исследуют, к экономической науке отношения не имеет». Вместе с тем в качестве точки отсчета для сравнения структурных альтернатив взаимодействия между программами такой вариант вполне пригоден. Кроме того, как было отмечено, он может отражать и оценки некоторых исследователей, полагающих, что границы дисциплины (экономической науки) значительно уже, поскольку другие направления исследований — либо вообще не наука, либо наука, но за пределами экономической теории как дисциплинарной области. Ограниченность данного варианта в плане позитивного анализа состоит еще и в том, что если каждая теория — это не башня из слоновой кости, а набор нормативных выводов, которые могут быть основанием рекомендаций для практиков как в бизнесе, так и в государственном управлении, то они в любом случае конкурируют, но уже не на поле внутридисциплинарного или даже междисциплинарного дискурса, а в других сферах общественных отношений.

Односторонние связи. Данный вариант сводится к доминированию критических оценок со стороны программы Б по отношению к достижениям программы А, а программа А на первый взгляд не замечает существования программы Б за редкими, несистемными исключениями (в том числе и в форме, которая обозначена в первом варианте). Таким образом, например, в общем выстраивалось взаимодействие неоклассической теории и традиционного институционализма во второй половине XX — начале XXI в. В рамках этого варианта возможна имитация дискуссии, когда программа Б критикует, а программа А время от времени лениво отмахивается, давая понять, что оппоненты просто не заслуживают внимания и предметной критики, так как кроме «рассказывания историй» ничего не производят.

Двусторонние связи. В этом варианте обе программы не просто «знают» о существовании друг друга, но это знание легко можно обнаружить во внутридисциплинарном дискурсе, когда в одной программе через призму принятых в рамках нее подходов оцениваются результаты развития другой. С учетом соблюдения общенаучных исследовательских стандартов такой формат взаимодействия находит отражение в списке литературы и цитировании. В частности, подобное взаимодействие может существовать в формате испытания на прочность защитного пояса каждой из них. В отличие от двух других вариантов здесь возможны два сложных случая: (1) конфликтный и (2) кооперативный.

1. В первом случае программы конкурируют за внимание к своим исследованиям как со стороны коллег (в том числе из смежных дисциплин), так и со стороны носителей потенциального внешнего спроса (бизнес и государство). Выигрыш одного фактически означает потери для другого. Однако в долгосрочной перспективе существуют риски для всех программ в виде относительного ухудшения условий спроса на идеи в силу плохой навигации по дисциплинарной области для аутсайдеров — бизнеса и государства.

2. Во втором случае различия между программами не исчезают, но способы взаимодействия с «внешним миром» строятся на принципе конструктивной, доброжелательной критики и партнерства, когда, например, сложные, комплексные вопросы обсуждаются с применением разных техник, но ориентированы на извлечение результата, который будет полезен как науке, так и внешним бенефициарам ее продукции (идей).

Вместе с тем должно быть соблюдено важное условие: стороны дискуссии опираются на работы, которые признаны критикой и выдерживают испытание временем. Соответственно, один из практических вопросов: как отличить важную публикацию от «дежурной» исследователю, который работает в рамках другой системы координат? Кто/что выступит навигатором в море публикаций? Один из вариантов — ориентация на «знаковые фигуры» в соответствующей области. Например, для современного традиционного институционализма это Дж. Ходжсон (Hodgson, 1988), а для современной австрийской школы — И. Кирцнер и Дж. Салерно. Другой, дополняющий вариант — ключевые журналы. Для нового институционализма и неоклассического направления в данном случае вопрос гораздо сложнее, так как связан с более широким рядом «знаковых фигур» и релевантных академических журналов.

Однако стоит помнить, что характер внешнего спроса на продукцию исследователей может провоцировать на конфликтный способ взаимодействия: ведь политикам нужны простые, понятные решения, что дает преимущества конфликтной стратегии «одноруким экономистам» по сравнению с теми, кто работает в системе координат «on the one hand — on the other hand» («с одной стороны — с другой стороны»). Трудно представить себе политика, пытающегося, прежде чем принять или предложить решение того или иного практического вопроса, соотносить различные исследовательские подходы к решению одной проблемы, в которых, при ближайшем рассмотрении, она не только по-разному понимается, но и по-разному формулируется. И если такой политик вдруг найдется, то механизм естественного отбо-

ра с высокой вероятностью выведет его за пределы сферы разработки и принятия политических решений.

В действительности варианты взаимодействия программ допускают важные нюансы: острая фаза спора, без которой взаимодействие в рамках третьей структурной альтернативы редко обходится, часто связана с переходом на личности (Автономов, Автономов, 2016). Цена, которую приходится платить, — акцент на аспекте аргументации, который отличает защищаемую позицию от позиции оппонента. Это видно на примере споров «Менгер—Шмоллер», «Хайек—Кейнс» и менее известных «Саймон—Стиглер», «Алле—Сэвидж» (Avtonomov, Avtonomov, 2019. P. 186–190) и др. Указанное обстоятельство создает определенные риски в смысле некорректной ретроспективной интерпретации теорий, которых придерживались участники спора, если не учитывать контекст взаимодействия исследовательских программ. Интерпретаторы постфактум обвиняют авторов теорий в том, что они гипертрофировали один из аспектов своей теории в ущерб другим, «забывая», что во многом это обусловлено законами жанра — жесткой научной дискуссией, в которой баланс удержать крайне сложно.

Вместе с тем более широкий ретроспективный взгляд, о котором мы ранее писали, позволит увидеть интеграцию в конкурирующую программу идей, которые ранее казались чуждыми и вместе с тем дают возможность раскрыть истинный потенциал конфликтовавших теорий. Этот поворот указывает на важность истории и методологии экономической мысли для развития экономической науки в целом (Hausman, 2008; Mäki, 2012). Речь идет об использовании идей из разных научно-исследовательских программ в рамках общественных дискуссий, включая и политические, представителями различных групп интересов в том числе для извлечения распределительных преимуществ от установления или корректировки институтов, структурирующих взаимодействия людей.

Далее мы рассмотрим вопрос о взаимодействии исследовательских программ во времени через призму становления экономической теории транзакционных издержек как одного из направлений в рамках новой институциональной экономической теории. На наш взгляд, это один из наиболее удачных примеров кооперативного варианта взаимодействия, когда представитель одного направления оценивает и признает достижения других направлений экономических исследований не мимоходом и неявно, а систематически и артикулированно. В одной из наиболее известных работ «Экономические институты капитализма» О. Уильямсон, описывая источники теории транзакционных издержек, указывает не только на неоклассических экономистов (К. Эрроу, Ф. Найт), но и на традиционных институционалистов (Дж. Коммонс), неоавстрийцев (Хайек), а также представителей других дисциплинарных областей (права — Я. Макнейл, К. Левеллин, Г. Калабреззи, теории организаций — Ч. Барнард, Г. Саймон) (Уильямсон, 1996).

Здесь стоит отметить, что Уильямсон и Р. Коуз — ключевые представители новой институциональной экономической теории — по-разному оценивают вклад традиционного институционализма в развитие научного экономического знания. Если Уильямсон считал работы Коммонса

(Commons, 1932) одним из важнейших источников экономической теории трансакционных издержек (Уильямсон, 1996), то Коуз полагал, что работы традиционных институционалистов (включая и Коммонса) ни к чему не привели (Coase, 1984. P. 230) в силу неспособности организовать большой массив эмпирического материала.

Важный вопрос для исследования истории и перспектив взаимодействия исследовательских программы (историками экономической мысли и методологами науки и экономики) — насколько та или иная программа восприимчива к критике своих конкурентов (подразумевается конструктивная критика или воспринимаемая как конструктивная реципиентом)? Если да, то можно ли объяснить, почему и какое это имеет значение в плане роста научного знания? Связана ли такая восприимчивость со структурой взаимодействующих программ, особенностями отдельных исследователей — их представителей или с правилами, «обычаями делового оборота», в которые погружены исследователи? Как известно, академические публикации, претендующие на научную новизну, должны выстраиваться с учетом предшествующих достижений. Соответственно, один из важных практических вопросов — что из накопленного по проблеме включать в обзор литературы и освещать в позитивном или критическом ключе (мы этого вопроса касались в связи с характеристикой разных способов взаимодействия исследовательских программ)?

Подчеркнем, что само по себе сосуществование исследовательских программ не означает их взаимодействия по тому или иному сценарию, так как один из возможных вариантов в пределах академического взаимодействия — не замечать друг друга. Иными словами, исследователи могут быть хорошо знакомы лично, но на страницах специальной литературы это знакомство никак не отражается. В первую очередь речь идет о цитировании работ, все равно в каком контексте — позитивном или критическом. (Стоит помнить, что возможен худший вариант взаимодействия, когда конкуренция фактически означает «войну на уничтожение», а не на извлечение новых знаний из конструктивной критики. Это может быть обусловлено характером внешнего спроса на результаты научной деятельности, когда, например, формат главенствующей официальной идеологии подталкивает к такому варианту взаимодействия.)

Конструктивное, позитивное взаимодействие не означает, что программы как самостоятельные сущности (с собственным жестким ядром и защитным поясом) перестают существовать и происходит научный синтез в форме интеграции программ, даже если одна из них начинает более или менее явно преобладать. Как раз наоборот: сохраняются различные комбинации конкуренции и кооперации, которые в зависимости от характеристик двух сторон взаимодействия могут приводить к развитию каждой программы. Разумеется, из сказанного выше возникает вопрос: каковы возможности прогнозировать будущее взаимодействие исследовательских программ? Ответ на этот вопрос зависит от понимания устройства их взаимодействия и тенденций развития, оцениваемых ретроспективно. Но в любом случае надежность такого рода прогнозов, даже если они появятся, невысока. Причина — неопределенное будущее отдельных научно-исследовательских программ и дисциплинарной области в целом в силу непредсказуемости появления значительной

части новых идей в каждой исследовательской программе, а также их существенной разветвленности. Причем речь идет о разветвленности в такой степени, что сама дисциплинарная область очень напоминает расширенный порядок человеческого сотрудничества по Хайеку, в рамках которого что-то всерьез планировать с высокой степенью разрешения (подробности) и прогнозировать (с хорошей степенью точности) — чрезвычайно затратное (если не сказать — неблагодарное) занятие.

Роль метаязыка и механизмы взаимодействия исследовательских программ

Реальность взаимодействия исследовательских программ такова, что наряду с конкуренцией наблюдаются и элементы кооперации. Но является ли нынешний баланс конкуренции и кооперации лучшим из доступных? На наш взгляд, нет. Мы понимаем, что этот вывод в большей степени основан на интуиции и личном опыте нашей работы с результатами исследований, выполненных в рамках разных программ. Возможно, вопрос о вариантах сбалансированности мог бы стать предметом специального исследования или даже серии исследований. Вместе с тем мы можем указать на некоторые более системные основания для такого тезиса:

— диагностика состояния дел во внутридисциплинарном дискурсе специалистами в области экономической методологии, которые занимаются вопросами взаимодействия исследовательских программ;

— отсутствие новых, появившихся в последние два десятилетия исследовательских программ, которые могли бы претендовать на статус локомотива в развитии современной экономической науки и быть площадкой для взаимного обмена идеями разных научных направлений⁶.

Представляется, что метаязык может быть полезен как для кооперации, так и для конкуренции, что важно для учета стимулов исследователей, принадлежащих к той или иной традиции и осуществляющих значительные специфические — по исследовательской программе — инвестиции в знания и навыки добывания нового знания. Причем, как это ни парадоксально, конкуренция может пойти на пользу обоим конкурирующим программам. В частности, когда на основе их взаимодействия более четко выявляются предпосылки, прежде бывшие неявными и потому плохо управляемыми, что могло стать основанием для некорректных выводов, например избыточных обобщений.

Можно сказать, что в сфере развития экономического знания мы сталкиваемся с проблемой безбилетника (но не в плане плагиата) — недостаточностью концепций, с помощью которых можно сопоставлять разные исследовательские традиции, в том числе с учетом существования локальных конвенций относительно тех или иных понятий/концепций. Если да, то какими методами можно ослабить негативные последствия данной проблемы?

⁶ В числе новых направлений — нейроэкономика, которая, на наш взгляд, не может выполнять функции теоретического и методологического локомотива.

Разумеется, при усвоении результатов исследований в рамках другой программы возникает вопрос о смысловой нагрузке концепций, понятий, с помощью которых эти результаты излагаются. Язык — это не только знаки, но еще и смыслы. В порядке упрощения, конечно, можно допустить, что одно и то же обозначение (понятие) наполнено одним и тем же смыслом. Такое, кстати, вполне возможно в рамках произвольных проекций принятых представлений в рамках одной программы на смысловую нагрузку понятий-коррелятов в рамках другой программы. Однако такое допущение может привести к значительным искажениям и к критике карикатуры программы-конкурента, а не ее «аутентичного» образа. Разумеется, в таком случае конструктивной дискуссии не получится, поскольку объект критики столкнется с дилеммой: защищать свои позиции вне зависимости от того, насколько хорошо его поняли, или пытаться все же объяснить, что именно не понял критик. Однако попытку объяснить легко спутать с оправданием, а последнее часто воспринимается как проявление слабости теоретико-методологических оснований.

Концептуально «аутентичный образ» теории, носителем которого выступает X , означает, что смысловое наполнение ее у субъекта Y (предположительно реципиента, критика) если не тождественно, то сходно до степени смешения. Аутентичный образ вряд ли появится, если такое взаимодействие основывается на односторонности, поскольку критик либо корректирует свое видение в результате обратной связи, либо не получает никакого отклика (в том числе и потому, что объекты критики уже не надеются быть понятыми). Однако в случае движения в обе стороны появляется шанс.

Один из вариантов (разумеется, не единственный) — «окольный путь» — через язык здравого смысла, в котором если даже отсутствуют те или иные понятия, тем не менее их смысл можно описать. Этот путь требует определенных навыков и вполне преодолим. Однако научный язык лаконичен, и в этом его преимущество. «Окольный путь» языка здравого смысла вряд ли имеет перспективы выполнить функции магистрали, связывающей две области научного экономического знания. Тем не менее в последнее время феномен «народных» экономических теорий стал предметом внимания исследователей (Rubin, 2003). Под народными экономическими теориями понимают представления экономических агентов о том, как связаны те или иные явления и процессы в экономике, — представления, оказывающие непосредственное влияние на принимаемые ими решения. Эти знания отличаются от положений экономической теории, но составляют часть знаний об экономике и могут порой совпадать со знаниями, относимыми к разряду научных, но не потому, что соответствуют критериям научности, а потому, что сторонники таких направлений фактически следуют народным экономическим теориям.

Другой путь — формирование специализированного метаязыка (с учетом особенностей дисциплинарной области, определение границ которой — не вполне тривиальная задача в свете развития различных направлений исследований именно на стыке дисциплинарных областей — экономическая социология, экономическая психология и т. п.), в рамках которого возможно прямое взаимодействие. Но для этого необ-

ходимо понять, в какой мере взаимодействующие программы родственны. В частности, ранее уже упоминался язык неоклассической экономической теории как особая форма метаязыка в силу использования его в фазе профессиональной социализации экономистов, а также доминирования в экономической науке именно этого направления исследований. Однако именно в силу такой специфики метаязык несет печать ограничений во взаимном обмене идеями как ядре развивающегося внутридисциплинарного дискурса. Например, в рамках неоклассической теории отсутствует такая фигура, как предприниматель, если только ее не путать с менеджером или капиталистом. Весьма симптоматично, что в учебниках по микроэкономике нет специального раздела, посвященного исследованию функции предпринимателя и связанного с этой функцией дохода.

Для исследований, охватывающих широкую палитру ситуаций взаимодействия людей, это чрезвычайно масштабная задача. Один вариант — найти общие основания (например, как в случае с неоклассической — модель индивидуального выбора). Однако если этот вариант не проходит — тогда через подобие объектов исследования (как, например, в случае с престижным потреблением по Т. Веблену или обсуждением вопросов эволюции, экономического развития, конкуренции). В этом плане, возможно, в рамках той или иной исследовательской программы обнаружатся лакуны — не поставленные и не обсужденные вопросы. Иными словами, если общность в смысле метода невозможна или маловероятна, то общность по предмету — вполне возможный вариант.

Обратим внимание на то, что наличие определенного отношения к статусу той или иной концепции, обозначение которой может указывать на подобие предмета в межпрограммном сравнении, не сводится к ее использованию в рамках позитивных исследований с близким по смыслу наполнением. Исследовательские программы могут иметь противоположные взгляды в одном измерении. Например, равновесие для неоклассической теории — основа основ для исследования как отдельных рынков, так и экономической системы в целом. Для современной австрийской экономической теории равновесие — в лучшем случае результат взаимодействия субъектов.

В другом аспекте научно-исследовательские программы могут если и не совпадать, то быть довольно близки: конкуренция полезна для экономического развития. В третьем измерении, тесно связанном со вторым, — вновь оппонировать друг другу: в рамках неоклассической теории практически невозможно найти исследователей, объясняющих непродуктивность антимонопольной политики и выступающих за отмену антимонопольных законов, а тотальный скептицизм в отношении антитраста — визитная карточка австрийской экономической теории.

В новой институциональной экономической теории и в традиционном институционализме оперируют понятиями «институт» и «транзакция», вкладывая в них разный смысл. Традиционный («старый», но вполне современный) институционализм обладает свойствами, характерными для исследований, которые направлены на изучение эволюции, как и австрийская экономическая теория. В последней, в свою очередь, исследования основаны как минимум на отрицании равновесия в качестве исходного пункта взаимодействия людей, что не мешает воспринимать определение равновесия, пусть даже в критическом ключе. Экономисты австрийской школы и новые институционалисты последовательно применяют принцип методологического индивидуализма, чего

нельзя сказать о традиционных институционалистах (среди которых распространен методологический холизм). И даже неоклассиков нельзя считать последовательными методологическими индивидуалистами, если не путать децентрализованность принятия решений в рыночной экономике и решения отдельных индивидов. В австрийской теории невозможно концептуально отделить предпочтения от выбора, а в неоклассической теории это два разных объекта анализа, изучаемые в курсе микроэкономики.

Как в первом приближении можно охарактеризовать статус-кво? Можно ли сказать, что в данный момент место метаязыка вакантно? На наш взгляд, это не совсем так, поскольку в отличие от других общественных наук, как уже было ранее подчеркнуто, экономическая наука имеет важную особенность: определяемый с большей или меньшей степенью отчетливости мейнстрим. И главное здесь даже не в том, как соотносится количество публикаций, в которых используется инструментарий неоклассического (в микроэкономическом смысле) направления и гетеродоксальных исследований, а в том, как выглядит процесс профессиональной социализации, на основе и посредством каких учебников она происходит. И здесь оказывается, например, что даже в самых гетеродоксальных американских университетах необходимым компонентом учебного плана является микроэкономика⁷.

При всем разнообразии учебников ядро составляют те, в которых излагаются основные идеи, соответствующие жесткому ядру неоклассики. Одним из немногих исключений стала работа П. Хейне, П. Беттке и Д. Причитко (Heune et al., 2014), в которой введение в экономическую специальность осуществляется с применением постулатов австрийской школы. И даже при всей гетеродоксальности Макклоски написала учебник по микроэкономике (McCloskey, 1982), в котором, пусть и с оговорками, разбирается стандартный набор моделей с соответствующими им экономическими понятиями.

Сказанное подталкивает к неутешительным на первый взгляд выводам относительно перспектив «понимающего» позитивного взаимодействия исследовательских программ в экономической науке. В какой мере это действительно так?

Формирование метаязыка внутридисциплинарного дискурса: образ желаемого будущего

В отношении языка экономической науки следует заметить, что одна из основных его особенностей — внутреннее разнообразие смыслов, которое зависит от многообразия самой экономической науки, от мировоззрения ученых-экономистов и используемой ими методологии. В настоящее время создание единого языка экономической науки представляется проблематичным, но следует стремиться к созданию единого *диалогового поля*, предполагающего адекватное серьезное изучение философских — онтологических, методологических, аксиологических — оснований различных экономических школ.

⁷ Пример — учебный план подготовки экономистов в Университете Джорджа Мейсона — цитадели австрийской школы в экономической науке. https://economics.gmu.edu/course_sections

Для развивающего внутридисциплинарный дискурс метаязыка необходимы определенные условия, в числе которых — компетенции носителей научного экономического знания. Какие компетенции нужны, чтобы формировать специализированный метаязык внутридисциплинарного дискурса? Участники дискурса как минимум должны иметь предметное представление о состоянии дел в смежной сфере исследований. В данном случае исследований в формате истории экономической мысли недостаточно, так как знания должны быть актуальными и воспроизводимыми. А это означает, что участники дискурса должны работать как исследователи с применением инструментария соответствующей программы (но необязательно ограничиваясь ею, если такая возможность предоставляется).

В таком контексте утверждение Д. Родрика, что «экономическая наука не прощает тех, кто не придерживается правильного способа „делать“ науку [и] оставляет мало возможностей для методологического плюрализма» (Родрик, 2017. С. 234–235), выглядит дискуссионным и, на наш взгляд, не дает ключ к диалогу между различными направлениями в экономической теории, а фактически выводит гетеродоксальные школы за дисциплинарные рамки. В то же время сам Родрик в седьмой заповеди для экономистов говорит: «Не принимай единодушное мнение экономистов за окончательное знание о том, как устроен мир» (Родрик, 2017. С. 249). Но главный вывод, который можно сделать на основе оценок, представленных Родриком как методом экономической науки: возможность различных трактовок позиции самого данного автора.

Даже если понятно, какие компетенции нужны, откуда они возьмутся? В силу действия каких стимулов и связанных с ними институциональных рамок взаимодействия исследователей? В качестве примера можно привести исследование вопросов конкуренции в рамках исследовательских подходов неавстрийцев и новых институционалистов, вопросы формирования/эволюции норм в рамках традиционного и нового институционализма и т. п. Откуда они в принципе могут почерпнуть эти знания помимо доступных академических печатных изданий?⁸ Откуда возьмутся стимулы изучать достижения смежных научно-исследовательских программ (особенно когда не очевидно, считать ли тот или иной заявленный результат достижением) и как эти стимулы связаны с поддержанием стандартов исследований, пусть даже сообразно особенностям каждой программы в рамках одной дисциплинарной области? Не воспроизводится ли в данном случае проблема для авторов-новичков, когда история и нюансы дискурса оказываются неизвестными, что может служить основанием для отклонения статьи, поданной для публикации в профильном журнале?

⁸ Разумеется, в академических изданиях можно ознакомиться с передним краем исследований в соответствующей предметной области. Однако именно в силу издержек перевода часто есть ответ на вопрос, что написано, но неясен ответ на вопрос, о чем именно идет речь. Кроме того, в академических изданиях, строго говоря, немного исследований, где предпринята попытка разобраться в нюансах конкурирующей научно-исследовательской программы с проекцией на ту, в которой исследователь в основном работает. Одно из немногих исключений применительно к исследованию проблематики конкуренции в австрийской традиции с позиции конкурирующей программы см. в: Shastitko, Golovanova, 2016.

На наш взгляд, в качестве механизма придания нового импульса для развития внутридисциплинарного дискурса можно использовать элементы знания, которые не отражены прямо в текстах публикаций (поскольку часть знания имеет неявный, личностный характер), но важны для коммуникации на стадии профессиональной социализации экономистов, в том числе в рамках обучения в университете. Любопытно наблюдать за дискуссиями в отношении подходов к обучению экономистов с учетом расширяющихся возможностей работы с большими данными.

В частности, один из вариантов, который можно рассматривать в качестве способа формирования инструментального метадисциплинарного языка, был предложен Р. Четти, профессором Гарвардского университета, который в описании курса отмечает: «Этот курс покажет, как можно использовать „большие данные“ для понимания и решения некоторых из наиболее важных социальных и экономических проблем нашего времени. Курс познакомит студентов с передовыми исследованиями в области прикладной экономики и социальных наук». Интересно, что в качестве предварительных условий обучения не требуются какие-либо специальные познания в области экономической теории. Однако не заставила себя долго ждать и «уничтожающая» критика, в фокусе которой — идеи о приоритете смыслов над данными, с одной стороны, и о важном различии между народными теориями и научными экономическими теориями — с другой. Последний пункт указывает на то, почему рискованно при освоении инструментального аппарата работать именно с народными теориями⁹.

Необходимо учитывать возрастающую роль междисциплинарного взаимодействия во внутридисциплинарном дискурсе. Примерами выступают поведенческая экономика (Kahneman, 2011; Талер, 2018), в которой используется инструментарий экспериментальной психологии для обсуждения и решения экономических проблем, но без выхода за пределы неоклассической исследовательской программы, и нейроэкономика, в которой одной из ключевых осей взаимодействия стала ось «экономика — биология».

Перечислим некоторые предпосылки формирования метаязыка внутридисциплинарного дискурса.

1. Личные контакты носителей исследовательских подходов на стадии интеграции в экономическую науку (бакалавриат — магистратура — аспирантура), позволяющие расшифровать применяемые концепции в свете современного состояния соответствующей научно-исследовательской программы.

2. Специальные предметные площадки для обсуждения «транспрограммных» вопросов с участием/модерированием со стороны методологов и историков экономической науки.

3. Включение в ряд учебных курсов (помимо истории экономических учений и методологии экономической теории) сравнительных характеристик исследовательских программ по конкретным вопросам, а также интеграция в учебный процесс предметов (пусть даже в рамках курсов по выбору), основанных на гетеродоксальных подходах (в частности, современная австрийская экономическая теория, институциональная и эволюционная экономика).

⁹ <https://scholar.harvard.edu/ckgeiger/classes/econ-1152-using-big-data-solve-economic-and-social-problems>

4. Участие ведущих академических журналов в формировании рамок и траектории внутридисциплинарного дискурса с использованием накопленного опыта работы с разнородным материалом и с поддержанием принятых исследовательских стандартов.

Экономическая наука — высокодифференцированная область, развитие которой требует воспроизводства связей между отдельными элементами, когда «нативная многоязычность» отдельного исследователя — скорее исключение, но «иерархическая многоязычность» (от родного языка до «читаю и перевожу со словарем») — вполне доступный вариант, позволяющий осуществлять реконструкцию там, где синтез в буквальном смысле (примером могут быть работы А. Маршалла) недоступен.

В дальнейшем обсуждении поставленных вопросов перспективным может оказаться подход, основанный на аналогии научно-исследовательской программы и стандарта, на основе которого работает та или иная платформа. Как известно из теории организации рынков, существует два вида конкуренции: в рамках одного стандарта и между стандартами. Выбор пользователями (в данном случае это могут быть политики и бизнес) определенного стандарта обеспечивает сравнительную легкость переключения между различными группами исследователей, решающих одинаковые задачи с применением похожих инструментов. Этот вариант конкуренции дает бенефициарам возможность использовать полученные результаты. Однако если речь идет о конкуренции между стандартами, то при сохранении более высокой степени свободы бенефициары непосредственно могут не получить искомые результаты, поскольку они относятся к категории неопытных пользователей. Соответственно, большое значение в этом случае будут иметь внутридисциплинарные стандарты научного исследования с учетом разнообразия исследовательских программ. В частности, речь может идти о метастандарте, который дополнил бы метаязык внутридисциплинарного дискурса. В свою очередь, конкуренция стандартов будет более востребованной во времена значительных изменений в социальных связях. Возможно, именно поэтому пришло время для обсуждения поставленных вопросов.

Список литературы / References

- Автономов В. С. (2013). Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23. [Avtonomov V. S. (2013). Abstraction as a mother of order? *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 4–23. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-4-23>
- Автономов В. С., Автономов Ю. В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20. [Avtonomov V. S., Avtonomov Y. V. (2016). General theory of “disputes about methods” in economic science. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 4, pp. 5–20. (In Russian).]
- Кейнс Дж. М. (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. [Keynes J. M. (1978). *General theory of employment, interest and money*. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Кун Т. (2003). Структура научных революций. М.: АСТ. [Kuhn T. (2003). *Structure of scientific revolutions*. Moscow: AST. (In Russian).]

- Кэллахан Дж. (2006). Экономика для обычных людей: Основы австрийской экономической школы. Челябинск: Социум. [Callahan J. (2006). *Economics for ordinary people: Fundamentals of the Austrian school of economics*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian).]
- Маккლოსки Д. (2015). Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [McCloskey D. (2015). *The rhetoric of economics*. St. Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Mezhdunarodnye Otnosheniya; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University. (In Russian).]
- Маркс К. (2001). Капитал. Т. 1. М.: Центр социальной экспертизы. [Marx K. (2001). *Capital*, Vol. 1. Moscow: Center for Social Expertise. (In Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала. [North D. (1997). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Moscow: Nachala. (In Russian).]
- Родрик Д. (2017). Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд-во Института Гайдара. [Rodrik D. (2017). *Economics rules: The rights and wrongs of dismal science*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Талер Р. (2018). Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо. [Thaler R. (2018). *Misbehaving: The making of behavioral economics*. Moscow: Eksmo. (In Russian).]
- Тулмин С. (1984). Человеческое понимание. М.: Прогресс. [Tulmin S. (1984). *Human understanding*. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат. [Williamson O. (1996). *Economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting*. St. Petersburg: Lenizdat. (In Russian).]
- Фейерабенд П. (2007). Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ. [Feyerabend P. (2007). *Against the method. An essay on the anarchist theory of knowledge*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Хайек Ф. (1991). Безработица и денежная политика. Правительство как генератор «делового цикла» // Экономические науки. № 11. С. 57–66. [Hayek F. (1991). Unemployment and monetary policy. Government as a generator of the “business cycle”. *Economicheskije Nauki*, No. 11, pp. 57–66. (In Russian).]
- Шаститко А. Е. (2018). От актуальности к востребованности? К 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. С. 3–22. [Shastitko A. E. (2018). From relevant to in demand? On Karl Marx 200th anniversary. *Moscow University Bulletin. Series 6: Economics*. No. 3, pp. 3–22. (In Russian).] <https://doi.org/10.38050/01300105201831>
- Avtonomov V. S., Avtonomov Y. V. (2019). Four Methodenstreits between behavioral and mainstream economics. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 26, No. 36, pp. 179–194. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2019.1625206>
- Backhouse R. E. (2012). The rise and fall of Popper and Lakatos in economics. In: U. Mäki (ed.). *Philosophy of economics*. Amsterdam: North Holland, pp. 25–48. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-51676-3.50002-6>
- Coase R. H. (1984). The new institutional economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, Vol. 140, No. 1, pp. 229–231.
- Commons J. R. (1932). The problem of correlating law, economics, and ethics. *Wisconsin Law Review*, Vol. 8, pp. 3–26.
- Hausman D. (ed.) (2008). *The philosophy of economics. An anthology*, 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayek F. (1939). *Profits, interest and investment*. London: Routledge & Sons.
- Heyne P. L., Boettke P. J., Prychitko D. L. (2014). *The economic way of thinking*, 13th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Hodgson G. M. (1988). *Economics and institutions: A manifesto for a modern institutional economics*. Philadelphia, PA: Polity Press and University of Pennsylvania Press.

- Kahneman D. (2011). *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Keeler J. P. (2001). Empirical evidence on the Austrian business cycle theory. *Review of Austrian Economics*, Vol. 14, pp. 331–351. <https://doi.org/10.1023/A:1011937230775>
- Keynes J. N. (1999). *The scope and method of political economy*. Kitchener: Batoche Books.
- Lakatos I. (1970). Falsification and the methodology of scientific research programmes. In: I. Lakatos, I. Musgrave (eds.). *Criticism and the growth of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Latsis S. J. (ed.) (2008). *Method and appraisal in economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mäki U. (ed.) (2012). *Philosophy of economics*. Amsterdam: North Holland.
- McCloskey D. N. (1982). *The applied theory of price*. New York: Macmillan.
- Mund V. A. (1933). *Monopoly: A history and theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- North D. (2005). *Understanding the process of economic change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shastitko A., Golovanova S. (2016). Meeting blindly... Is Austrian economics useful for dynamic capabilities theory? *Russian Journal of Economics*, Vol. 2, No. 1, pp. 86–110. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.04.005>
- Rubin P. H. (2003). Folk economics. *Southern Economic Journal*, Vol. 70, No. 1, pp. 157–171. <https://doi.org/10.2307/1061637>
-

Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: Invitation to a debate

Leonid A. Tutov^{1,*}, Andrey E. Shastitko^{1,2}

Authors affiliation: ¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). * Corresponding author, email: l.tutov@yandex.ru

Modern economic science is experiencing difficulties in solving theoretical and practical problems, including its inability to predict future economic crises, and, after their onset, the effective ways to overcome them. This is largely due to the fact that representatives of different theories have different assessments of the ongoing processes in the economy and offer essentially different and often mutually exclusive ways to solve economic problems. The search for a common language and ways to unite the efforts of economists in achieving social progress is on the agenda. The paper addresses the possibilities of productive interaction between scientific programs in economics via mutual enrichment of ideas, and shows what role metalanguage plays in this process. It claims that metalanguage will allow representatives of various research programs to form a realistic view of each other's concepts, and not to criticize the caricatures of their opponents' theories.

Keywords: metalanguage, research programs, internal discourse, inter-disciplinary discourse.

JEL: B41, B52, B53.